
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

В. М. АЛПАТОВ

ДВА ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу ряда дискуссий, происходивших на протяжении продолжительного времени между представителями двух полярных подходов в сферах методологии и практики изучения языка. Основное внимание автора сосредоточено на рассмотрении существа двух полемик, между знаменитым американским лингвистом Л. Блумфилдом и ученым – эмигрантом из Германии Л. Шпитцером, а также между советскими языковедами В. И. Абаевым и П. С. Кузнецовым. Концептуальное содержание дискуссий рассмотрено сквозь призму концепций «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма», а также антропоцентризма и системоцентризма. Прослеживается параллелизм в подходах к изучению языка между современными исследователями и их историческими предшественниками, вплоть до античной эпохи, до споров школ аналогистов и аномалистов. Современное состояние исследований языка оценивается автором как процесс взаимообогащения обоих подходов (в духе принципа дополнительности, перенесенного в лингвистику Р. Якобсоном), как стремление к расширению предметных рамок языкознания, к междисциплинарным исследованиям, при неизбежных при этом потерях строгости используемой методологии.

Ключевые слова: языкознание, лингвистика, структурализм, Л. Блумфилд, Л. Шпитцер, В. И. Абаев, П. С. Кузнецов, В. Н. Волошинов, «абстрактный объективизм», «индивидуалистический субъективизм», антропоцентризм, системоцентризм.

В мировой науке о языке за более чем два тысячелетия ее развития, разумеется, выдвигалось и продолжает выдвигаться бесчисленное множество теорий, концепций, методов исследования материала. И все-таки, как нам кажется, все это многообразие отражает ограниченное количество некоторых базовых, не всегда осознавае-

мых подходов к языку человека. Эти подходы могли иметь разные формы, имели разную популярность в разные эпохи, но можно проследить их историю.

1. Два спора

Свой анализ начнем с обсуждения двух полемик между лингвистами, происходивших с интервалом в два десятилетия в разных странах, в различном научном и культурном контексте, но, как мне кажется, имевших определенное сходство. Первая полемика состоялась в журнале «Language» (США) в 1943–1944 гг. между самым знаменитым американским лингвистом того времени Л. Блумфилдом (1887–1949) и ученым – эмигрантом из Германии Л. Шпитцером (1887–1960). На русском языке она подробно описана в посмертно опубликованной статье известного советского лингвиста и литературоведа Г. О. Винокура (1896–1947) (Винокур 1957). Вторая полемика – это спор между советскими лингвистами В. И. Абаевым (1900–2001) и П. С. Кузнецовым (1899–1968) (Абаев 2006[1965]; Кузнецов 1966). Отмечу, что в обоих случаях спорили ровесники или почти ровесники, но они принадлежали к разным научным направлениям, и накал полемики был высоким.

Л. Шпитцер, принадлежавший к школе «эстетического идеализма», писал о своих оппонентах, что они «не хотят видеть, что ученый, исследующий язык, одновременно является и просто человеком, воспринимающим и чувствующим как все другие». Они резко различают лингвиста как исследователя и лингвиста как особь, имеющую право на «неофициальные частные мнения»; они игнорируют «творческую силу языка». И тем самым «капитулируют перед современной умственной дезинтеграцией, перед духовным распадом» (Винокур 1957: 63). Кроме всего прочего, Л. Шпитцер заявлял, что занимается изучением «души писателя» по ее отражениям в языке, и критиковал своих оппонентов за «излишний интерес к фонетике и морфологии».

Л. Блумфилд рассуждал иначе: «Анимистическая и телеологическая терминология вроде mind (разум), consciousness (сознание), concept (понятие) и т. д. не приносит пользы, а наоборот, приносит много вреда лингвистике, как и всякой другой науке» (Винокур 1957: 62). Изучать следует лишь язык как таковой. В другой работе

1936 г. он писал, что предмет изучения в лингвистике – «шум, производимый органами речи» (цит. по: Белый 2012: 14).

Г. О. Винокур выступал в этой полемике как бы в роли третейского судьи; он до конца не солидаризировался ни с одной стороной, но все его симпатии были на стороне американского коллеги: Л. Блумфилд «более близко держится почвы языка». Спор с такими как он, по мнению Винокура, «должен быть и будет непосредственно лингвистическим». Напротив, Л. Шпитцер «в своих стилистических штудиях (которые он сам считает для себя основными) вообще не есть лингвист» (Винокур 1957: 70). Замечу, что Г. О. Винокур много занимался стилистикой, но понимал ее иначе: Л. Шпитцер изучал индивидуальные стили (особенно писателей), а Г. О. Винокур – коллективные стили (деловой, научный, бытовой, поэтический и т. д.). Надо отметить, что и для Л. Блумфилда, и для Г. О. Винокура границы лингвистики – нечто строго очерченное, куда фонетика и грамматика входят, а изучение сознания, понятий, «души писателя», – нет. К этому вопросу мы еще вернемся далее.

Второй спор происходил на страницах московского журнала «Вопросы языкознания» в середине 1960-х гг., где тогда прошла дискуссия, открытая статьей В. И. Абаева (цит. по: Абаев 2006[1965]). В это время в советском языкознании друг другу противостояли прежде всего структурализм и так называемая традиционная лингвистика, представители которой чаще всего были близки во взглядах к немецкой школе младограмматиков (конец XIX – начало XX в.) и ее русским последователям (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.). В. И. Абаев причислялся к традиционалистам, однако он одновременно критиковал и структурализм, и младограмматизм; в последнем он отвергал «отход от широких обобщений», «сосредоточение на формальной стороне языка» и считал (в отличие от чуть ли не всех своих коллег), что «структурализм – детище младограмматической школы» (Там же: 114). Еще резче у него критика структурной лингвистики: «Сущность структурализма не в системном рассмотрении языка, а в дегуманизации языкознания путем его предельной формализации» (Там же: 115). Особую его неприязнь вызвало высказывание датского лингвиста Х. Ульдалля о необходимости устранить человека из науки о языке (Там же: 118). Отвергал он также выделение в качестве отдельной

дисциплины математической лингвистики, находя в ней «скреще-
ние псевдолингвистики с псевдоматематикой» (Абаев 2006[1965]:
118).

«Лингвистический модернизм», начавшийся у младограммати-
ков и достигший предела в структурализме, В. И. Абаев считал
лишь частью духовного кризиса, «общего процесса дегуманизации
культуры». «Какую бы гуманитарную область мы ни взяли, везде
наблюдаются одни и те же тенденции формализма и антигуманиз-
ма: в философии, социологии, истории, литературоведении» (Там
же: 115) (отмечу, что среди немногих ученых, позиции которых
противостояли этой тенденции, он называет не слишком часто то-
гда упоминаемого А. Ф. Лосева). Тот же кризис он видел и в со-
временном западном искусстве.

Ход дискуссии закономерно привел к коллективному осужде-
нию В. И. Абаева. Такую точку зрения в журнале высказали более
десять специалистов (при отсутствии сторонников). Самым ярким
было выступление П. С. Кузнецова, к тому времени работавшего на
кафедре структурной и прикладной лингвистики МГУ.

Тон профессора (как и его оппонента) был крайне резким:
«клевета», «профанация», «кривое зеркало»; оппонент был обвинен
в невежестве: «Разве можно считать лженаукой все то, что просто
не понимаешь?» (Кузнецов 1966: 72); «Следовало бы лучше знать и
лингвистику, и математику» (Там же: 71). Он, естественно, отвер-
гал обвинения в «дегуманизации», защищая науку о языке XX в.:
«Любая наука не может топтаться на месте, а тем более идти
вспять» (Там же: 69). Разумеется, П. С. Кузнецов защищал и мате-
матизацию лингвистики. Структурализм он рассматривал как выс-
ший по сравнению с младограмматизмом этап развития науки, но и
у младограмматиков были заслуги, поскольку и они стремились к
строгости подхода, тогда как В. И. Абаев зовет нас вернуться к еще
более ранним временам В. фон Гумбольдта, к началу XIX в. (Там
же: 64–65). Для П. С. Кузнецова же главное в науке о языке –
«строгость и логика» (Там же: 74). Для него, как и для других
участников той дискуссии (отмечу, что некоторые из них, как
Ю. В. Рождественский, позднее изменили точку зрения), не было
принципиальной разницы между естественными и гуманитарными
науками. Так же рассуждал и Л. Блумфилд.

2. «Абстрактный объективизм» и «индивидуалистический субъективизм»

В обоих вышеуказанных спорах мы видим два разных и несовместимых друг с другом взгляда на язык. Об этих двух взглядах еще в конце 1920-х гг. писал ленинградский философ языка В. Н. Волошинов (1895–1936) в книге «Марксизм и философия языка», изданной в Ленинграде в 1929 г. в издательстве «Прибой». Авторство его книги часто приписывают его другу М. М. Бахтину (1895–1975), убедительных доказательств этого нет, но какие-то идеи могли быть подсказаны Бахтиным.

В. Н. Волошинов выделял в развитии мировой науки о языке два ведущих направления: «абстрактный объективизм» и «индивидуалистический субъективизм». К первому направлению автор книги отнес основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра и (с оговорками) младограмматиков. Данному направлению, согласно В. Н. Волошинову, свойственны следующие черты. «1) *Язык есть устойчивая неизменная система нормативно тождественных языковых форм, преднаходимая индивидуальным сознанием и непререкаемая для него.* 2) *Законы языка суть специфические лингвистические законы связи между языковыми знаками внутри данной замкнутой языковой системы.* Эти законы объективны по отношению ко всякому субъективному сознанию. 3) *Специфические языковые связи не имеют ничего общего с идеологическими ценностями (художественными, познавательными и иными)...* Между словом и его значением нет ни естественной и понятной сознанию, ни художественной связи. 4) *Индивидуальные акты говорения являются, с точки зрения языка, лишь случайными преломлениями и вариациями или просто искажениями нормативно тождественных форм...* Между системой языка и ее историей нет ни связи, ни общности мотивов. Они чужды друг другу» (цит. по: Волошинов 1995: 270–271).

Все это более или менее соответствует подходам, сторонниками которых были Л. Блумфилд, Г. О. Винокур и П. С. Кузнецов, хотя иногда у В. Н. Волошинова они подаются в утрированном виде: никто из лингвистов, разумеется, не считал язык «неизменной системой». Однако верно, что дихотомия синхронии и диахронии в

той жесткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр, позволяла отвлекаться от языковых изменений и всякой истории (о чем В. Н. Волошинов и говорит в пункте 4. Язык понимается как «замкнутая система», что действительно было свойственно структурализму, в той или иной степени стремившемуся к «автономности» своей науки, к чисто лингвистическим подходам. В пункте 3 речь идет о концепции произвольности знака, исключавшей из сферы лингвистики всякий звуковой символизм. Язык рассматривается как коллективное, а не индивидуальное явление, что также было свойственно большей части направлений структурализма, начиная от Ф. де Соссюра (некоторые структуралисты игнорировали эту проблему, но никому не был свойствен «индивидуалистический» подход). Наконец, В. Н. Волошинов подчеркивает, что «объективизм» выявляет закономерности, существующие в мире независимо от человеческого сознания. И не только П. С. Кузнецов и другие советские лингвисты, но и Л. Блумфилд называл свой метод материалистическим (вспомним его слова о «шуме, производимом органами речи»). В 1929 г. структурализм лишь начинал свое развитие, но многие базовые его черты В. Н. Волошинов отметил верно, хотя позднее ряд ученых, в целом работавших в его рамках, могли что-то здесь менять. Например, Л. Ельмслев пришел к выводу о том, что лингвист сам строит свой объект по формальным правилам независимо от реальности.

«Индивидуалистический субъективизм» В. фон Гумбольдта и его последователей характеризуется так. 1) *Язык есть деятельность, непрерывный творческий процесс созидания..., осуществляемый индивидуальными речевыми актами.* 2) *Законы языкового творчества суть индивидуально-психологические законы.* 3) *Творчество языка – осмысленное творчество, аналогичное художественному.* 4) *Язык как готовый продукт..., как устойчивая система языка (словарь, грамматика, фонетика) является как бы омертвевшим отложением, застывшей лавой языкового творчества, абстрактно конструируемый лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудию»* (Волошинов 1995: 260–261).

Хотя о «застывшей лаве» писал В. фон Гумбольдт, но в основном здесь описывались идеи его последователей-современников:

упоминавшегося выше Л. Шпитцера и его учителя К. Фосслера; именно они, например, занимались аналогиями между языковым и художественным творчеством, см. слова Шпитцера о «душе писателя» (о каких-либо отношениях между В. Н. Волошиновым и В. И. Абаевым ничего не известно, хотя оба в 1920–1930-е гг. работали в Ленинграде).

Из двух направлений автор книги отдает предпочтение «индивидуалистическому субъективизму», а «абстрактный объективизм» решительно отвергается. Само существование языка в смысле Соссюра подвергается сомнению: «Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка – продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях непосредственного говорения» (Волошинов 1995: 281–282). Такая абстрактная система «уводит нас прочь от живой становящейся реальности языка и его социальных функций» (Там же: 298). Этот неадекватный подход, свойственный большинству лингвистов начиная с Античности (исключая лишь последователей Гумбольдта), выработывался с практическими целями: «расшифровывания чужого мертвого языка» (имеется в виду филология) и «научения ему» (Там же). Правила склонения или спряжения полезны при обучении чужому языку, но ничего не дают для «понимания и объяснения языковых фактов в их жизни и становлении» (Там же). Направление, созданное В. фон Гумбольдтом, критикуется лишь по более частным вопросам, прежде всего за недостаточную разработку проблем речевого общения и диалога.

О книге В. Н. Волошинова забыли вскоре после ее появления, но с 1970-х гг. она стала популярна как в нашей стране, так и за рубежом, переведена на многие языки, что, как мы покажем дальше, не было случайным.

3. Антропоцентризм и системоцентризм

Уже в относительно недавнее время, в 1989 г., появилась статья Е. В. Рахилиной, известного сейчас лингвиста, тогда только начинавшей свою деятельность. Здесь были противопоставлены два

подхода к изучению языка, названные антропоцентричным и системоцентричным.

Е. В. Рахилина писала: «С точки зрения этого (антропоцентричного. – В. А.) подхода язык есть прежде всего инструмент общения для человека. И всякое понятие, пусть даже обозначающее некоторый конкретный предмет, обязательно отражает не просто этот предмет как таковой, а отношение к нему человека» (Рахилина 1989: 46–47). Такой подход исходит из того, что «человек достаточно творчески (метафорически) использует язык как инструмент, им же созданный для отражения этого антропоцентричного мира» (Там же: 50).

Однако «есть и другой подход к языку, который можно назвать системоцентричным. В отличие от антропоцентричного подхода, приближающего лингвистику к психологии и философии, он пытается сблизить ее с естественными науками в их современном понимании. Согласно этому подходу, язык есть некоторая почти независимая от нас функциональная система. Лингвист изучает ее законы, носитель языка им подчиняется» (Там же). «Сама же идея о том, что язык следует рассматривать как систему со своими внутренними законами, и есть то, что сближает лингвистику с такими естественными науками, как физика или биология» (Там же).

В статье обсуждается важный вопрос: какие результаты дает каждый из подходов. «Серьезные достижения словоцентричным подходом были получены в фонологии, морфологии, типологии (синхронной и диахронической)». Но «в семантических исследованиях нельзя обойтись без учета личности носителя языка» (Там же: 51).

Е. В. Рахилина указывала, что «антропоцентризм и системоцентризм порождают два совершенно разных подхода к языку» (Рахилина 1989: 51). Это сходно с различием двух направлений у В. Н. Володинова. Но если тот (как и другие рассмотренные выше лингвисты) признавал лишь один из подходов к языку, то Рахилина заканчивает статью словами: «Истина лежит посередине» (Там же). Оба подхода нужны, но для разных целей.

4. В. фон Гумбольдт и Ф. де Соссюр

В вышеописанных спорах всегда в той или иной мере, прямо или косвенно учитывались значительно различавшиеся между со-

бой взгляды классиков мировой науки о языке Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) и Фердинанда де Соссюра (1857–1913). Хотя в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра имя В. фон Гумбольдта не было названо, нет сомнений в том, что он по данным вопросам спорил с великим предшественником.

В. фон Гумбольдт писал: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности... По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи... Расчленение языка на слова и правила – это лишь мертвый продукт научного анализа» (цит. по: Гумбольдт 1984: 70).

Противоположной была точка зрения Ф. де Соссюра: «Язык не деятельность говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим» (цит. по: Соссюр 1977: 52). В другом месте «Курса» сказано: «Языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом: общество принимает язык таким, какой он есть» (Соссюр 1977: 104). Деятельность говорящего швейцарский ученый относил к сфере речи, которая в его концепции специально не рассматривалась; важно было лишь отделить ее от сферы языка, на которую обращалось все внимание.

Очевидно, что, говоря о «готовом продукте», Ф. де Соссюр имплицитно спорил с немецким мыслителем. Его подход расчленял язык именно на «слова и правила», что впоследствии (как, впрочем, и до него) делали многие лингвисты.

5. Аналогия и аномалия

Оказывается, споры о подходах к языку существовали не только в XIX–XX вв., но даже в древнем и средневековом мире. В Ан-

тичности несколько столетий шла дискуссия между «аналогистами» и «аномалистами». Александрийские ученые, окончательно создавшие в III–II вв. до н. э. европейскую лингвистическую традицию, были аналогистами, пергамская школа придерживалась противоположных взглядов. Спор затем распространился и на Рим, где он был подробно рассмотрен аналогистом Марком Теренцием Варроном (I в. до н. э.).

Аналогисты основывались на представлении о языке как системе четких правил, в идеале не знающих исключений; недаром свой метод пропорций они взяли из математики. Они устанавливали пропорцию: если в языке есть АВ, АГ и БВ, то должно быть и БГ (а если оно не найдено, то мы можем его сконструировать). «Аналогистам важно было доказать, что... упорядоченность, симметрия, регулярность присущи самой природе языка» (Перельмутер 1980: 213). Варрон «всякого рода неправильности считал результатом неразумного обращения с языком, результатом порчи языка... Аномалии, согласно Варрону, должны быть исправлены» (Шубик 1980: 242).

Аномалисты же (Секст Эмпирик и др.) «придерживались мнения, что наличие в речи всякого ряда аномальных форм, различных исключений из правил отнюдь не вредит языку, не препятствует взаимопониманию» (Перельмутер 1980: 212). Поэтому они считали, что язык нельзя подчинить правилам, а норму языка можно вывести лишь из живого обихода.

Похожие споры происходили и среди арабских ученых VIII–IX вв. Там сложились две основные грамматические школы в городах Басра и Куфа. «Между ними разгорелась острая полемика по вопросам арабской грамматики. Разногласия между ними были обусловлены различными теоретическими предпосылками, господствовавшими в этих двух центрах. Басрийцев часто называют аналогистами, куфийцев – аномалистами... Отклонение от строго установленных норм басрийцы считали искажением языка. Куфийцы более свободно подходили к нормам литературного арабского языка» (Ахвледиани 1981: 55–56).

Следует отметить, что хотя оба направления там и там были влиятельными, но авторы наиболее значительных и повлиявших на традицию в анализе конкретного материала сочинений (алексан-

дрийцы, Варрон в Риме, Сибавейхи [Сибавайхи] в Арабском мире) были аналогистами. «В целом позиция александрийцев была гораздо более плодотворной для развития науки о языке, именно благодаря их усилиям были установлены правила склонения и спряжения, разработаны формальные аспекты морфологии греческого языка» (Перельмутер 1980: 213–214). И это, разумеется, не было случайным.

6. Два взгляда на язык

Итак, уже более двух тысячелетий идет спор двух течений в науке о языке, которые В. Н. Волошинов назвал «абстрактным объективизмом» и «индивидуалистическим объективизмом», а Е. В. Рахилина – «антропоцентризмом» и «системоцентризмом». Одно течение критикует оппонентов за то, что они игнорируют «личность носителя языка» и не учитывают, что лингвист «одновременно является просто человеком». В ответ следуют обвинения в «анимистической и телеологической терминологии» и нежелании изучать «систему со своими внутренними законами». Разумеется, не всегда лингвисты говорили об этих различиях и часто совмещали в той или иной мере оба подхода. Эти подходы, как правило, не в чистом виде, можно проследить начиная с глубокой древности.

Как только люди в разных культурах и с разными целями начали изучать свой язык, они не могли не осознавать, что «многообразие явлений, <...> как его ни классифицируй, все предстает перед нами обескураживающим хаосом, который мы должны возвести к единству человеческого духа» (Гумбольдт 1984: 69). Необходимо было искать в сложном многообразии наблюдаемых явлений речи некоторые постоянные, стабильные, повторяющиеся единицы и структуры, воспроизводимые разными людьми одинаково или с незначительными вариациями, от которых можно отвлечься; единицы и структуры фиксируются в грамматиках и словарях. Так неосознанно поступали еще в древности. Парадигмы склонения и спряжения, уже строившиеся четыре тысячи лет назад в Вавилоне, были «расчленением языка на слова и правила». Так же поступали александрийцы и Варрон. В синтаксисе весь хаос конкретных связей научились сводить к ограниченному набору отношений, прежде всего субъектно-объектных и атрибутивных. Концепция членов

предложения в Европе окончательно сформировалась к XVI в. Хаос мог увеличиваться, если новый фактический материал не подтверждал разработанные способы описания, но далее происходило упорядочение хаоса через разработку более универсальной теории. Лингвисты так поступали всегда, Ф. де Соссюр и Л. Блумфилд лишь эксплицировали этот подход.

В. Н. Волошинов справедливо относил истоки «абстрактного объективизма» для Европы к Античности. Однако вряд ли он был прав, когда считал, что история «индивидуалистического субъективизма» началась с В. фон Гумбольдта, хотя тот действительно впервые четко и последовательно сформулировал его принципы. Авторы «традиционных» грамматик и словарей явно или чаще неявно понимали, что «одновременно являются просто людьми», и постоянно использовали интуицию и интроспекцию, а то, что называется лингвистической интуицией, – это, по сути, неосознанное влияние психолингвистического механизма человека. Например, и в европейской лингвистической традиции, и в выросшей из нее лингвистической науке всегда (по крайней мере, до второй половины XX в.) центральным было понятие слова. Однако до конца XIX в., когда стал господствовать системоцентрический подход, вовсе не было попыток установить строгие критерии выделения слов (как и частей речи), объяснить, каким образом текст делится на слова. Предполагалось, что мы как носители языка уже знаем, какие в нем есть слова и на какие классы (части речи) они подразделяются. То есть неосознанно обращались к психолингвистическому механизму носителей языка, где, как показывают современные исследования, имеются лексикон и набор операций с его единицами. А многочисленные попытки строго определить слово приводили к интуитивно неприемлемым результатам (Алпатов 1993).

В течение многих веков различные лингвистические традиции совмещали оба подхода. Идея В. Н. Волошинова о том, что формулирование правил нужно было только для обучения чужому языку и толкования текстов на нем, верна лишь отчасти. Ряд традиций, включая европейскую традицию в эпоху эллинизма (в Александрии), сформировался в целях обучения неродному для большинства населения языку культуры. Но правила были нужны и для

родного языка. Как мы указывали выше, не только лингвист, но и любой человек бессознательно использует синтаксические и морфологические правила обращения с лексиконом, а лингвист строит модель таких правил. Идеи В. Н. Волошинова о фиктивном характере языка в смысле Ф. де Соссюра были все-таки максималистскими. Но использование правил совмещалось с интуитивными и интроспективными подходами.

Однако уже к началу XIX в., когда в Европе значительно выросло количество изучаемых языков (и, может быть, стало влиять развитие естественных наук), обнаружился уклон в сторону правил и предписаний, отмеченный В. фон Гумбольдтом. Кроме того, правила формулировались эксплицитно, а антропоцентричная составляющая не осознавалась.

«Расчленение языка на слова и правила» не без оснований можно было считать «мертвым» подходом, но на его основе могут быть получены результаты; практическое же применение глубоких идей В. фон Гумбольдта всегда было проблематично. Их дальнейшая судьба довольно точно охарактеризована современным их последователем: «Несмотря на то, что идеи сохраняли высокую авторитетность на протяжении как большей части XIX, так и XX в., в конкретных описаниях истории и структуры различных языков они фактически не отразились» (Гаспаров 1996: 21).

Это не означало, что направление, основанное В. фон Гумбольдтом, никем не развивалось. Выше упоминались К. Фосслер, его ученик Л. Шпитцер и испытывавший их влияние В. Н. Волошинов. Но работы данных авторов в основном сводились к двум типам. Либо это чисто теоретические, во многом философские сочинения, как книга Волошинова, в которой анализ конкретного материала – самая слабая часть, либо завоевание «плацдармов» в областях, которые лингвистика правил игнорировала. Большинство лингвистов XIX–XX вв., как и древние аналогисты, изучали «упорядоченность, симметрию, регулярность» в языке, Ф. де Соссюр считал язык коллективным явлением, а индивидуальные особенности отдельных людей (если угодно, аномалии) не считались у его последователей темой для изучения. И именно здесь (в частности, в исследовании индивидуальности писателя по языковым данным, которое отстаивал

Л. Шпитцер в полемике с Л. Блумфилдом) школа К. Фосслера достигла наибольших успехов. Отметим, что из этой школы вышла более известная в нашей стране среди социологов и историков, чем среди лингвистов, книга В. Клемперера о языке Третьего рейха: это также анализ разного рода отклонений от правил немецкого языка, которые затем внедрялись в массовое сознание и из индивидуальных становились коллективными.

Но в основном лингвистика двух этих веков, несмотря на предостережения В. фон Гумбольдта, изучала язык не как деятельность, а как систему правил. Особенно уклон в эту сторону возобладал, когда влияние классической немецкой философии, крупнейшим представителем которой в области философии языка был В. фон Гумбольдт, сменилось господством позитивизма. Такой подход сохранялся и при смене тематики. В годы, когда ведущей дисциплиной стало сравнительно-историческое языкознание, обратившееся к новой тогда теме – реконструкции праязыков, был выработан самый строгий для того времени лингвистический метод. Эта строгость дошла до очень высокого уровня у уже упоминаемых младограмматиков. Характерно, что эту строгость и формализованность равно признали непримиримые противники В. И. Абаев и П. С. Кузнецов, разойдясь в ее оценках.

Но максимально принципы «абстрактного объективизма», или системоцентризма, были воплощены в структурной лингвистике, что заметил В. Н. Волошинов, хотя к моменту публикации его сочинения она еще не достигла вершины развития. Разные направления структурной лингвистики имели серьезные различия во взглядах (скажем, Л. Блумфилд, с одной стороны, и близкие по взглядам Г. О. Винокур и П. С. Кузнецов – с другой). Но в данном пункте они сходились.

Считалось, что лингвистика должна основываться исключительно на собственно лингвистических методах. Особенно последовательны были дескриптивисты и глоссематики. Л. Ельмслев писал в 1953 г.: «Лингвистика должна попытаться охватить не как конгломерат внеязыковых (то есть физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*» (цит. по: Ельмслев

1960). Слова Л. Блумфилда о «шуме» как единственном объекте изучения уже приводились. Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» понимались как нечто строгое и раз и навсегда заданное. Науками, связь с которыми необходима для лингвистики, признавали лишь математику, дающую методологию для всех наук, и семиотику, более общую дисциплину, в которой лингвистика – частный случай. С середины XX в. началась интенсивная математизация структурной лингвистики, нашедшая затем продолжение в генеративизме.

Структурализм претендовал на универсальную применимость ко всему, что есть в языке (по крайней мере, в языке в смысле Ф. де Соссюра). Однако на деле разные уровни языка изучались не в равной степени. В 1920–1940-е гг. на первый план вышла фонология, ставшая полигоном выработки структурных теорий и методов. На примере наиболее простого и обозримого уровня языка это было сделать легче всего. Меньше занимались морфологией, еще меньше синтаксисом, а если начинали ими заниматься, то чаще всего переносили на них методы, разработанные на материале фонологии.

Семантика всегда, начиная с Античности, привлекала внимание исследователей, но была самой неразвитой областью лингвистики, что, безусловно, было связано с особой сложностью объекта. В структурализме именно здесь были наименьшие достижения, и отставание семантики стало особенно заметным. В дескриптивной лингвистике даже наблюдались попытки вовсе исключить изучение значения из науки о языке (см.: Херрис 2010). Такая точка зрения была крайней, но она отражала общую тенденцию.

Наиболее серьезные критики структурализма обсуждали вопрос о границах применимости его методов. Тот же В. И. Абаев в 1960 г. писал: «В языке переплетаются две системы: познавательная и знаковая. Элементы первой соотносимы с элементами объективной действительности и отражают, в конечном счете, структуру последней. Вторая (знаковая) система определяется внутриязыковыми корреляциями. В первой системе элементами структуры являются значения, во второй – чистые отношения. Лексика есть преимущественная сфера первых, фонетика – вторых. Промежуточное

положение между этими двумя полюсами занимают морфология и синтаксис». Поэтому перенесение принципов фонологии в другие области, особенно в лексику, «практически почти бесплодно» (цит. по: Абаев 2006а: 103). Сказанное сходно с тем, о чем через тридцать лет напишет (без какого-либо влияния данной работы) Е. В. Рахилина.

Концом периода структурализма в науке США обычно считается 1957 г., когда Ноам Хомский (р. 1928) выпустил книгу «Синтаксические структуры». Однако в других странах временные границы могли быть другими. В том числе в СССР именно 1960-е гг. были периодом триумфа структурализма.

Любопытное отражение этого триумфа за пределами лингвистики – ранняя повесть братьев Стругацких «Попытка к бегству» (1962 г.); см. ее анализ в интересующем нас аспекте в книге Е. В. Вельмезовой (2014: 337–382). В повести люди из коммунистического общества XXIII в., один из которых лингвист, попадают на чужую планету, и перед ними встает проблема общения с инопланетянами, лингвист ее успешно решает. Творит эти чудеса не какой-то гениальный профессионал, а самый обычный структурный лингвист. Разумеется, было естественно полагать, что деятельность, казавшаяся реализуемой в ближайшем будущем, через три столетия станет рутинной.

В это время структурная лингвистика в СССР, как и в других странах, уже не замыкалась в теоретических проблемах, но осваивала машинный перевод и другие практические области. Важным аргументом в пользу структурного подхода было народно-хозяйственное значение. Ожидавшийся переворот в прикладных областях должен был подтвердить стремление структуралистов тех лет сделать лингвистику точной наукой на основе математических методов и вывести ее из сферы гуманитарных дисциплин. Сомнения в возможности такого выведения, высказанные в дискуссии 1965 г. В. И. Абаевым, были названы «мракобесием». Однако надежды того времени оправдались лишь частично. Алгоритмы автоматического перевода существуют и практически используются, но обойтись без редактирования человеком получаемых текстов до сих пор не удается.

А в мировой лингвистике тем временем распространялась генеративная (порождающая) лингвистика Н. Хомского и его приверженцев. В нашей стране основные работы этого ученого 1950–1960-х гг. были достаточно оперативно переведены (Хомский 1962[1957]; 1972[1966]; 1972[1968]), но столь большого, как в ряде других стран, влияния его идеи не оказали.

Н. Хомский сохранил строгий, формализованный подход к объектам исследований, активно применял математические модели. Однако он совсем иначе по сравнению со структурализмом поставил задачи науки о языке, объявив лингвистику «особой ветвью психологии познания» (цит. по: Он же 1972[1968]: 12). «Задачей лингвиста, как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» (цит. по: Он же 1972[1966]: 10). «Противопоставление, вводимое мною, связано с сосюрровским противопоставлением *языка и речи*; но необходимо отвергнуть его концепцию языка как только систематического инвентаря единиц и скорее вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов» (Там же). Сам термин «порождение» Н. Хомский взял у В. фон Гумбольдта. «Возникает необходимость обратиться к некоторому совершенно новому принципу... Этот новый принцип имеет “творческий аспект”, который яснее всего наблюдается в том, что может быть названо “творческим аспектом использования языка”, то есть специфически человеческая способность выражать новые мысли и понимать совершенно новые выражения мысли на основе “установленного языка”, языка, который является продуктом культуры» (цит. по: Хомский 1972[1968]: 17).

Таким образом, Н. Хомский вновь обратился к антропоцентризму и поставил задачу изучать язык вместе с говорящим на нем человеком, учитывая его творческую деятельность. Впрочем, критики Н. Хомского отмечают и имеющуюся у него непоследовательность: в своей теории он, «в конечном счете, сводит все к тем же описательным процедурам и ставит своей целью дать описание абстрактной структуры лингвистической компетенции – в идее, но

не в исполнении, взаимодействующей с другими видами психического поведения человека» (Звегинцев 1996: 33–34). То есть, испытывав влияние В. фон Гумбольдта, Н. Хомский опять-таки предложил новый вариант конструирования «мертвого продукта научного анализа», пусть усовершенствованный по сравнению с прежними вариантами. Центральное место в его теории занимает синтаксис, а семантика осталась на периферии.

Однако после появления теории Н. Хомского наука стала выходить и за рамки, им установленные. В наше время ситуация в науке о языке во многом иная, чем в 1950–1960-е гг. Структурная лингвистика уже в прошлом, генеративизм продолжает развитие, сохраняя основные принципы. Но распространение также получили разные направления так называемой функциональной лингвистики. В России она сейчас развивается наиболее интенсивно. У нас ее принципы, пожалуй, наиболее четко выразил А. Е. Кибрик (1939–2012) в статье 1983 г. (цит. по: Кибрик 1992: 20).

Среди функционалистов мало кто считает лингвистику точной или естественной дисциплиной, наоборот, усилился преодолевавшийся в структурализме гуманитарный компонент. Изучение устройства системы языка, к которому сводились задачи структурной лингвистики, признано недостаточным, и лингвисты стремятся к изучению реального функционирования языка. Активно исследуются, например, роль языка в познании мира, общественное функционирование языка, коммуникативный аспект языка, проблемы диалога и др. Сложилась такие дисциплины, как теория речевых актов, прагматика, дискурсный анализ; изучаются жанры речи. Развивается и социолингвистика, изучающая функционирование языка в обществе. Лингвистика сближается с самыми разными, преимущественно гуманитарными, науками; развиваются пограничные дисциплины – социолингвистика, нейролингвистика, поэтика и др. Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» стали все более неопределенными. «То, что считается “не лингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» (Кибрик 1992: 20). В связи с этим чаще стали вспоминать идеи книги «Марксизм и философия языка».

Иначе, чем ранее, в последнее время расставляются приоритеты. Ушла на периферию науки о языке фонология, в центре внимания впервые оказалась семантика. В отличие от генеративизма, отводящего ей подчиненное положение по сравнению с синтаксисом, современная функциональная лингвистика отстает главную роль значения. «Как содержательные, так и формальные свойства в значительной степени предопределены семантическим уровнем» (Кибрик 1992: 21). Полемизуя с «самоограничением, доведенным до абсурда» у З. Херриса и др., А. Е. Кибрик пишет: «Можно было бы, нарочито утрируя, сказать прямо противоположное: в лингвистике ничего (или почти ничего) нет, кроме проблемы значения» (Там же: 20). И в функционализме изучение этой проблемы впервые стало приоритетным.

Особенно надо отметить комплекс дисциплин, исследующих функционирование языка «на самом деле», ранее часто выводившихся за пределы лингвистики. Если функционирование голосового аппарата изучается со второй половины XIX в. в экспериментальной фонетике, то главная составляющая – деятельность мозга – постоянно оставалась наименее исследованной. Теперь уже активно разворачиваются как косвенные (данные афазий, детской речи), так и прямые исследования речевых механизмов мозга, в том числе в нашей стране. Изучение механизмов мозга – «не лингвистика» с точки зрения научных взглядов недавнего прошлого, когда считали важным учитывать лишь «шум, производимый органами речи», и не заходили в «черный ящик». Но теперь произошла смена приоритетов. «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен “на самом деле”» (Там же: 19).

Тематика функциональной лингвистики неуклонно расширяется. Но при этом по сравнению с предшествующим периодом снизился уровень научной строгости (речь сейчас не идет об экспериментальных исследованиях). Провозглашаемая ранее полная математизация лингвистики стала подвергаться сомнению. «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностьную

модель на принципе *неполной детерминированности*», – пишет А. Е. Кибрик в статье 1977 г. (цит. по: Кибрик 1992: 33).

Однако все чаще мы наблюдаем иную крайность. Начинается, как мне представляется, «забегание вперед», стремление перепрыгнуть через необходимые этапы анализа, не выработав какого-либо метода. Ищут связь языка с нравственными категориями, выявляют по языковым данным отношение к жизни носителей русского или английского языка и др. Речь уже идет не только о «душе писателя», изучаемой Л. Шпитцером, а о душе целого народа. Мы не говорим, что такие проблемы лежат вне науки о языке, но пока для их решения нет разработанного метода. А расширение границ лингвистики не означает, что она может поглотить чуть ли не всю гуманитарную проблематику. Но где эти границы? Пока что от «объективизма» лингвистика перешла к крайнему субъективизму (не обязательно индивидуалистическому).

Пока в функциональной лингвистике мы имеем «поле, на котором выделяются..., с одной стороны, ряд нетривиальных, содержательных, *красивых* теоретических моделей, с другой – определенное множество образцов... прокомментированного материала» (Дементьев 2013: 31). «Самыми оригинальными и интересными... оказываются, как правило, чисто дедуктивные, постулатные модели, которые могут быть очень красивы сами по себе, но при этом не иметь большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки» (Дементьев 2013: 42). Будут ли в будущем построены модели, опирающиеся на материал?

7. Заключительные замечания

Итак, можно говорить о том, что в истории науки о языке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению объекта по образцу естественных наук и с опорой на наблюдаемые факты и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей. Последний подход был сформулирован В. фон Гумбольдтом в начале XIX в., но его недостатком постоянно оказывались нестрогость и произвольность. Другой же подход, достигший максимума

в структурализме, давал несомненные, но ограниченные результаты. Ему свойственны стремление к проведению строгих границ, обособлению лингвистики от других наук, рассмотрению объекта как замкнутой системы, ограничению задач своей науки относительно узким кругом, будь то сравнение родственных языков и реконструкция праформ или же структурный анализ фонологии и морфологии. В конечном счете он стремится к упорядочению языка. В противоположность ему подход, связываемый с именем В. фон Гумбольдта, стремится к расширению любых рамок, к междисциплинарным исследованиям и постановке глобальных задач, при этом часто без сколько-нибудь строгого метода. В какой-то мере можно считать, что он увеличивает хаос. Наше время – скорее эпоха движения в эту сторону.

Еще несколько десятилетий назад казалось, что лингвистика приближается по степени строгости и распространению математических методов к естественным наукам, и полностью формализованная теория языка – дело близкого будущего. Спустя какое-то время наметилась противоположная крайность: лингвистика, особенно в нашей стране, начинает напоминать далекие от какой-либо строгости гуманитарные дисциплины. Оба подхода неустраимы из развития науки, хотя в разные эпохи на первый план может выходить то один, то другой из них. Может быть, их существование необходимо для развития науки. Истина вряд ли находится «посередине», скорее мы имеем дело с принципом дополнительности, введенным в физику Н. Бором и перенесенным на лингвистику Р. Якобсоном.

Литература

Абаев, В. И.

2006[1960]. Об историзме в описательном языкознании. В: Абаев, В. И., *Статьи по теории и истории языкознания*. М.: Наука.

2006[1965]. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке. В: Абаев, В. И., *Статьи по теории и истории языкознания*. М.: Наука.

Алпатов, В. М. 1993. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. *Вопросы языкознания* 3: 15–26.

Ахвледиани, В. Г. 1981. Арабское языкознание средних веков. В: Десницкая, А., Кацнельсон, С. (ред.), *История лингвистических учений. Средневековый Восток*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, с. 53–95.

Белый, В. 2012. *Леонард Блумфилд*. Арад.

Вельмезова, Е. В. 2014. *История лингвистики в истории литературы*. М.: Индрик.

Винокур, Г. О. 1957. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике. *Вопросы языкознания* 2: 59–70.

Волошинов, В. 1995. *Философия и социология гуманитарных наук*. М.: Аста Пресс.

Гаспаров, Б. М. 1996. *Язык, память, образ: лингвистика языкового существования*. М.: НЛЮ.

Гумбольдт, В. фон. 1984. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс.

Дементьев, В. В. 2013. *Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и прагматике*. М.: Глобал Ком.

Ельмслев, Л. 1960. Прологомены к теории языка. *Новое в лингвистике* 1: 215–262.

Звегинцев, В. А. 1996. *Мысли о лингвистике*. М.: Изд-во МГУ.

Кибрик, А. Е. 1992. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. (Универсальное, типовое и специфичное в языке.)* М.: Изд-во МГУ.

Кузнецов П. С. 1966. Еще о гуманизме и дегуманизации. *Вопросы языкознания* 4: 62–74.

Перельмутер И. А. 1980. Аристотель. Платон. Философские школы эпохи эллинизма. В: Десницкая, А., Кацнельсон, С. (ред.), *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: Наука, с. 130–214.

Рахилина Е. В. 1989. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой. *Язык и когнитивная деятельность*. М.: Ин-т языкознания АН СССР, с. 46–51.

Соссюр Ф. де. 1977. Курс общей лингвистики. В: Соссюр, Ф. де., *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс.

Херрис, З. 2010. Метод в структуральной лингвистике (раздел «Методологические предпосылки»). В: Звегинцев, В. А., *История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. 2 (с. 88–105). Томск: Изд-во Томского ун-та.

Хомский, Н.

1962. Синтаксические структуры. *Новое в лингвистике* 2: 412–527.

1972[1966]. *Аспекты теории синтаксиса*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

1972[1968]. *Язык и мышление*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Шубик, С. А. 1980. Языкознание Древнего Рима. В: Десницкая, А., Кацнельсон, С. (ред.), *История лингвистических учений. Древний мир* (с. 233–256). Л.: Наука.